

скими „годами“» [5, 7 с. 345]. И эта двойственность во многом определяет «загадочность», парадоксальность всего художественного мира Лермонтова, его поэтики и стиля. «Поэтика, в которой „годы“ и вообще земные „краткие миги“ могут оказаться равновелики „вечности“... эта поэтика, причудливо сливающаяся увиденное трезвым „взором“ с увиденным грезящей „душой“, есть в сущности поэтика „полусна-полуяви“» [5, с. 352—353].

Наконец, антитеза небесного и земного раскрывается у Лермонтова в руссоистско-байроническом духе — как противостояние природы и цивилизации, прошлого и настоящего. Если современное цивилизованное общество словно концентрирует в себе земные пороки и страсти, то в нравственно чистой жизни полудиких, патриархальных народов, простых людей вообще, поэт видит «тьнь блаженства» — отблеск ничем не замутненного небесного начала. Наряду с природным царством, миром естественных человеческих чувств жизнь простых людей может быть охарактеризована (если воспользоваться выражением Д. Е. Максимова) как «преддверие к идеалу» [7, с. 190].

Величественный ландшафт, материнская нежность и чистота детской души, дружеское участие и любовь оставляют неизгладимый след в душе поэта, представляются ему знаком гармонии вселенной и залогом грядущего блаженства. Примечательно его юношеское стихотворение «Кавказ» («Хотя я судьбой на заре моих дней...»), где эти мотивы как бы сливаются воедино, обретая обобщенно-символическое звучание. Точно так же и «край отцов» в воспоминаниях и грезах Мцыри предстает как символ прекрасного человеческого сообщества — родины в широком смысле слова, включающем в себя представление о небесной отчизне. Это мир, «где люди вольны, как орлы», где они связаны между собой тесными дружескими и семейными узами, где свято чтят предания, а жизнь человека протекает на лоне матери-природы.

Таковы три смысловых уровня, три содержательные грани антитезы «земля и небо» — грани подвижные, взаимопроницаемые и легко замещающие друг друга. Необходимость стремления к «небесному» — во всех его разновидностях — и составляет основной этический императив Лермонтова, определяющий в сущности комплекс утверждаемых им духовно-нравственных ценностей. Человек, в представлении Лермонтова, должен прежде всего сознать, чувствовать, культивировать в себе это высшее, небесное начало (поэтизация утонченной духовности), понять его соотношение с другими силами своей души (пафос самопознания). Он должен свято хранить его — наперекор житейским нуждам, заботам, тревогам, в любых, самых трудных условиях и трагических ситуациях (требование нравственной стойкости, неизменной верности себе). Он обязан, наконец, мужественно отстаивать высшие нравственные ценности от чьих бы то ни было посягательств (власти, «толпы», света), быть готовым к самопожертвованию и борьбе во имя их утверждения (жажда действия).

В непререкаемой верности своим идеалам — главная предпосылка высокой самооценки «лермонтовского человека», связанное с нею чувство собственного избранничества, романтически понимаемое чувство чести. Верность себе выступает у Лермонтова как долг и — одновременно — как естественное чувство, утраченное лишь в «нашем поколеньи», «в наш век изнеженный». Оно является и условием нравственного совершенства личности, и залогом достижимости «небесных» идеалов (при всей их безграничности и кажущейся недостижимости). Поэт убежден: создатель

...не позволил бы стремиться
К тому, что не дано свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

[1, т. I, с. 222].